

В жизни все не гладко

Для Исландии творчество БЬОРК ГУДМУНДСДОТТИР уже давно является основной статьёй музыкального экспорта. Дебютировав еще в 1988 году в составе пост-панковых "Sugarcubes", в 1993 она выпустила сольный "Debut", разошедшийся многими миллионами экземпляров. Начиная с диска "Homogenic" певица все дальше уходит от стесняющей ее поп-музыки. Это обернулось потерей большого числа поклонников, но малыми цифрами продаж певицу не испугать. Альбом "Медулла" стал для Бьорк полигоном для поиска и проверки вокальных способностей, причем не только собственных, но и приглашенных певцов: Разеля из "The Roots", Тани Тагак Гиллис, звезды горлового пения, и Майка Паттона, когда-то гремевшего в составе "Faith No More". Но песни предназначаются, скорее, для студентов, занимающихся современной композицией. Альбом записан практически без помощи музыкальных инструментов, но богатство звуков столь велико, что отсутствие инструментов можно и не заметить. Что подвигло певицу на этот эксперимент?

– Хорошо, если кто-то не замечает, что все эти дикивинные звуки издают не инструменты, а люди. Вы же слушаете не какую-то абстрактную идею, а музыку. Главное, как она звучит. Поразительно, на что способен человеческий голос.

– Но если голос все равно имитирует инструменты, почему бы их не использовать?

– Они мне страшно надоели, когда я работала над предыдущим проектом. У меня были 50 человек в оркестре, да еще хор из 20 человек. Дальше уж некуда. Это первая причина. А вторая – очень личного характера. Когда я начала впервые работать над "Медуллой" три года назад, я была беременной и не переставала удивляться, что за чудо человеческое тело. Оно способно само производить пищу, оно меняется, порождая из себя жизнь. Это так меня поразило, что я решила сделать чисто вокальный альбом – праздник невероятных возможностей человеческого тела.

– Где-то в середине альбома начинаешь понимать, что на самом деле музыкальные инструменты имитируют человеческий голос, они возникли именно таким образом.

– Да, совершенно верно. Гавайская гитара, например, – это плач.

– И когда вы издаете звуки просто голосом, вы возвращаетесь к первичному уровню музыки, к ее истокам.

– Мне надоело все традиционное – культура, религия, я хотела добраться до глубин духа. Мне опротивели все эти войны и лжецы-политики. Если приглядеться, в

мире все необычно – планеты вращаются в космосе, на земле растут цветы, люди говорят глупости и творят прекрасные вещи. Но мы этого не замечаем, живем какими-то вымученными интересами.

– В песне "Океания", которую вы пели на открытии Олимпийских игр в Афинах, есть замечательные строки о том, как жизнь возникла из океана, о том, как человечество буквально выползло из него.

– Эти строки написаны моим хорошим другом. Я должна была писать слова сама, но у меня ничего не получалось, какая-то ерунда типа "надевай носки и носи свой факел". Увы, я не могу похвастаться, что эти замечательные строки написаны мной.

– А вот песня "Пианино II" оставляет очень тяжелое впечатление – какие-то сдавленные вопли, словно вы задыхаетесь. Хочется уши заткнуть.

– Правильно, я этого и добивалась. Вы когда смотрите кино, то в нем наверняка есть тяжелые сцены, когда хочется закрыть глаза и не смотреть. Но без них не было бы отличного финала. Я не люблю делать такие чистенькие, отшлифованные альбомы. От них возникает гадкое впечатление, что все кругом совершенно, кроме меня. Но в жизни все совсем не гладко.

– Это как раз то впечатление, которое возникает от вашей песни "Олл Биртан".

– Может быть, поэтому некоторым кажется, что эта вещь не закончена. Но мне она нравится именно такой. Я люблю насвистывать, моя мать любила и бабушка. Мне нравится, как это делают

Фото из журнала "Ньюсуик"

Бьорк

простые люди, не профессионалы.

– Но в песне "Где эта строчка?" у вас прямо какой-то художественный свист, как у гномов из диснеевской "Белоснежки".

– В ней есть скрытая ирония, как в "Цыганской рапсодии" группы "Куин". Мне она кажется страшновато смешной.

– А меня она, напротив, пугает.

– Видите ли, мне не хотелось, чтобы мой вокальный альбом был таким мелодичным, без сучка и задоринки, в духе "Нью-эйдж". Это делать несложно, а вот того, чтобы в музыке было что-то мужское и даже брутальное, добиться трудно. Я не люблю шокировать ради шока. Панки – это слишком просто. Подумаешь, матерятся и рыгают. Это всякий сумеет. А вот попробуйте освободить человека от плена привычного, чтобы он проснулся и понял, что живет. И не орите ему при этом в ухо.

– А вы не боитесь, что этим отпугнете от себя публику?

– Я в какой-то момент поняла, что живу слишком легко. Расслабилась, хожу на репетиции, как на работу, играю с ребенком. Я подумала, что так нельзя, надо всегда делать усилие над собой. Иначе превратишься в потребителя, который живет за счет чужих усилий. Вот это я и пытаюсь донести до своих слушателей.

По материалам журнала
"Ньюсуик" подготовила
Катя МИЛОВИДОВА

9115
Музыка - 2008 - 11-20 окт. - с. 15